

ОТКУДА МЫ РОДОМ?

Василий КАТАНОВ,
член Союза
писателей России

ОБ АВТОРЕ

Василий Михайлович Катанов начинал свой творческий путь в областной молодежной газете "Орловский комсомолец", затем много лет работал в "Орловской правде". Уже тогда начал публиковать стихи, нашел свою тему в журнальчике — история родного края, которая впоследствии стала одной из главных тем его творчества. В. М. Катанов — автор более 30 книг, среди которых — поэтические сборники, в том числе и для детей, краеведческие и исторические труды, исторический роман. Он является лауреатом Карамзинской премии.

Писатель постоянно встречается с молодежью: в школьных классах и студенческих аудиториях, на конференциях, творческих вечерах в библиотеках и музеях. Главная тема его бесед — любовь к малой родине и Отечеству, истории родного края, преемственность поколений.

Вспоминается деревенское детство, хата, крытая соломой, и веселый шум весеннего сада. Я еще не умею читать, но знаю от бабушки и дедушки много сказок. Еще знаю немало семейных преданий. Бабушка Ефросинья, глядя в поле, где чуть видны зеленые кусты бывшей барской усадьбы, спаленной мужиками июльской ночью 1906 года, нет-нет да и вспомнит своего дедушку:

— Вот там его и запероли.

— За что?

— Поехал на заработки, а оброк управляющему не представил. Позвали на хутор и ну пороть. Кровью, бедный, подплыл. На телеге домой везли.

На пустыре, где когда-то был хутор графини Бобринской, а потом княгини Святополк-Мирской, жены министра, я не раз бывал. Дед Тихон Зыбин, сосед, делал революцию в ту жаркую ночь, а потом должен был гриметь кандалами в Орловской тюрьме, золото рыть на речке Лене...

Дедушка мой хутор не поджигал, чужое брать боялся. С семи лет отцу помогал, а как осиротел в двенадцать лет, хомуты и шлеи чинить научился — мужики нарасхват зазывали. В шестнадцать в Киев подал-

ся, пекарем стал отменным. Крещатик булками кормил. Помню, за что ни возьмется, все в его руках играет. А запоет про горы Воробьевские или “Коробушку”, так стекла в окнах звенят. Станет рассказывать про царя Петра, про Богдана Хмельницкого, Тараса Бульбу — век бы слушал.

— Дедушка, а кто был твой дедушка? — спрощу, бывало.

— Кто? Мужик, землю пахал. Отец-то Максим не только крестьянствовал, но и в коробейники зимой подавался, наберет товару и поехал по селам торговать. Дедушка Антип летом под открытым небом трудился, а зимой при лучине лапти плел да песни пел, сказки рассказывал.

— А как его по отчеству звали?

На последний вопрос дедушка Матвей, мой неумолимый рассказчик, вздыхал:

— А Бог его знает...

Через многие годы я пришел в Орловский государственный архив и спросил старейшую работницу Анну Ивановну Кирсанову, жену известного краеведа:

— Не могу ли с вашей помощью порыться в своей родословной?

— У нас многие интересуются своими предками, — улыбнулась Анна Ивановна. — Одну минутку!

И вынесла из таинственных глубин архивных рукописную книгу под названием: “Ревизская сказка пятьдесят осьмого года мая пятого Орловской губернии. Орловского уезда Гвардии поручика графини Софьи Прокофьевны дочери Бобринской о состоящих мужского и женского пола крестьянам”.

Начал я переписывать жителей Фоминки: Иван Фролов, Леон Киреев, Николай Кузякин, Арефий Кузякин... Стоп! Эта фамилия с годами умножилась прозванием Арешкины. Отсюда вышла Ефросинья — дочь Стефана, внучка Ивана, моя бабушка. Вышла замуж, стала Катановой.

Под номером 110 Антип Клементов сын Катанов, 51 год. Упомянуты его сын Михаил, умерший в 1855 году 26-ти лет, жена его Матрена Константиновна 30-ти лет, дочь Ирина 5-ти лет.

Там же Максим 17-ти лет, сын вышеупомянутого Антипа, рано умерший, но успевший подарить жизнь Афанасию, Матвею — моему дедушке, и Наталье, выросшившей под Кромами целый куст Овчаровых...

Вот и Никольское Альшан, нынешнее село Альшань, а там: Леон Елисеев Баракин, умерший в 1853 году. Это от него пошли Левкины и бабушка моя по материнской линии — Авдотья Ивановна.

Каждый раз, когда бываю на Альшанском погосте, где лежат родители, венчанные в церкви, построенной в 1844 году “иждивением” графини С. П. Бобринской, задумываюсь о далеких предках своих. Знаю, что отцовские корни затеряны на краю Фоминки,

на старом кладбище, отмеченном на давней карте Орла и его окрестностей.

Однажды я приехал в Ригу и там, на Ивановском кладбище, увидел могилу Надежды Ивановны Ильиной,

моей первой учительницы. Вспомнилось, как она учила нас в Альшанской школе. Она и родителей моих учила. И такая ощутилась сердцем связь глубокая с человеком, жившим когда-то.

Особое, подчас загадочно-странное, чувство вызывают люди, передающие по цепочке родословной нам свои черты лица, оттенки голоса, достоинства и слабости, что дало народу повод мудро изречь: “Яблоко от яблони недалеко падает”. Мне кажется, что каждому хотелось бы всю свою яблоню окинуть мысленным взором.

Однажды, выступая в школе, я спросил ребят:

— Назовите своих бабушек и дедушек.

Поднялся лес рук.

— Прабабушек и прадедушек?

Вверх потянулось всего четыре руки.

Когда же мне захотелось усложнить вопрос, то и те, четыре, приросли к партам. Стало грустно. Впрочем, и я, задающий вопросы, не так уж много знаю о себе, о корнях родословной. Скажу прямо: не призывали нас интересоваться своими предками. Совсем недавно стали вспоминать глубокую правоту пушкинских слов: “Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости”. Даже стихотворение “Моя родословная” рассматривалось лишь как результат полемики с Булгариным. Да и сам род Пушкиных благодаря “Арапу Петра Великого” виделся читателю прежде всего как продолжение африканского Ганнибалов. Когда же речь шла о Пушкиных, тесно связанных с орловским краем (триста лет назад Петр Михайлович Пушкин

был воеводой во Мценске, воевода Иван Иванович Ржевский похоронен в Болхове), то это воспринималось как открытие.

История воспитывает гражданина, патриота. Но история — это не только перечень событий, но и судьбы людей, яркие страницы биографии реально существовавших лиц. Не забуду, как в одном из орловских сел услышал: “В этой семье помнят, что их предок был артиллеристом на Бородинском поле”. От этих слов повеяло героическим духом “грозы двенадцатого года”. В одной книге о той славной поре я прочел, что орловцы гордились своими земляками А. П. Ермоловым, Д. В. Давыдовым, П. И. Багратионом. Ермолов похоронен на Троицком кладбище в Орле. Давыдов бывал в родовом имении Денисовке (ныне Давыдово). А Багратион? Он-то как попал в наши земляки? Оказывается, в Кромском уезде были деревни, принадлежавшие ему. Этого достаточно было, чтобы славное имя присоединилось к нашему краю.

Фамильная гордость, интерес к истокам собственной родословной — все это ветви одного дерева, имя которому — патриотизм. Нельзя жить иванами, не помнящими родства, нельзя изучать историю России в отрыве от родного края. Мы, орловцы, гордимся, что живем в краю Тургенева, Лескова, Фета, Апухтина, Тютчева, Бунина, Леонида Андреева, Бориса Зайцева, Писарева, Марко Вовчок, Якушкина, Петра Киреевского, Пришвина, Ивана Новикова. Всегда помни, что в сорок третьем здесь гремела битва, увенчанная Первым салютом Москвы.

На страницах истории Отечества сияют известные имена. Но как много имен рядовых тружеников истории, наших дедов и прадедов, исчезающих даже из самой надежной памяти — семейной. Когда думаешь об этом, то невольно вспоминаешь дворянские родословии, отраженные во множестве словарей, дворцов, музеев, замков, на полотнах художников, в произведениях литературы и искусства.

В деревне еще сохранилась добрая традиция — вывешивать на стене фотографии своих родных и близких. В городе чаще вывешивают репродукции картин. Как-то стало немодным, чуть ли не оскорбляющим вкус вывешивать фотографии близких.

В старое время народными песнями звенела каждая хата. Отец мой, бывало, шутил: “Сто песен знаю твердо, а сто нетвердо”. А сколько зимними вечерами довелось услышать удивительных сказок, легенд и преданий! Подступал к душе и завораживал пленительный мир поверий, небывалых приключений, где были замешаны русалки, домовые, лешие, колдуны! Мы торопливо отмахнулись от легендарного прошлого, а ведь там столько поучительного. Мудр народ в самоцветах своего творчества. Нередко в преданиях и легендах скрывается тайна происхождения названия города, села, рожи, ручья. Все полезно знать человеку, любящему свой край...

Богата наша Орловщина интересными селами, памятными местами. Спасское-Лутовиново на весь мир шумит-гремит о Тургеневе, Новоселки, Степановка, Клейменово светятся в биографии Фета. Павлодар помнит Апухтина, Яковлево — Елену Благинину, Лепешкино — основоположника цыганской литературы Германо, Старое Горохово — Лескова, Грунец — Писарева, Холх, Муратово — В. А. Жуковско-го, Большая Чернь — Карамзина, Кочеты — Л. Н. Тол-

стого, Богородицкое — дипломата Б. И. Куракина, историка Н. И. Устрялова, писателя Ивана Вольнова, Васютино — поэта Дмитрия Блинского, Первый Воин — композитора В. С. Калинникова, Хотетово — философа Г. С. Сковороду, Золотарево — духовного литератора С. А. Нилуса, Ливны — С. Булгакова, Русский Брод — Н. Я. Данилевского, автора знаменитой книги “Россия и Европа”.

Путешествуя по Орловщине, не переставал я восхищаться красотой нашей природы и вспыхивал радостно, удивленно при встрече с легендой или судьбой известного человека, совершившего подвиг во славу Отечества.

Таков отец Егор Косов из села Спас-Черяк, причисленный к лику святых, неутомимый пастырь народный...

Таков Сергей Тюленин — славный сын орловского села, легендарный герой Краснодона...

Такова вечно юная Ульяна Громова, с душой прекрасной, как лилия, которой она любит в самом начале романа Александра Фадеева “Молодая гвардия”.

*И в нынешних, и в давних временах
Бессмертно все, что памятью хранимо.
Не на китах земля — на именах
Своих сынов стоит неколебимо.
И самая седая старина,
И самое негромкое селенье
Такие дарят людям имена,
Что поднимают к солнцу поколенья.*

“Я чрезвычайно дорожу именем своих предков”, — писал А.С. Пушкин. Ему же принадлежат слова о гордости историей своего Отечества. В наши дни многие средства массовой информации изо всех сил стараются прошлое русского народа изобразить в черных красках. В загоне замечательные фильмы советской поры. Замалчивается реалистическое искусство. В литературе забыты Исаковский, Твардовский, Алексей Толстой, Паустовский, Фадеев, Николай Островский, Валентин Пикуль. Не унижаются клеветники России в напаках на Шолохова. Давно не слышим Русланову и Лемешева. В живописи на первом плане Малевич, в скульптуре — Неизвестный.

Нам навязывают на каждом шагу безнравственность, воинствующий эгоизм, пьянство, жестокость, нравы уголовного мира. Язык захламляется иностранными терминами, жаргоном и даже площадной руганью. В роскошных переплетах изданы книги “Русский мат”, “Русский блуд”, “Русский жаргон”. В сериалах люди, призванные бороться за порядок в обществе, пьют беспробудно, кривляются и более напоминают бомжей, чем офицеров российской милиции. Продыхнуть невозможно от бесцельно повторяемых реклам. Весь народ оказался заложником в этой дикой свистопляске, напоминающей старинную японскую казнь, когда человека убивали каплями воды, бьющими упорно по голове в одну и ту же точку...

Такова наша современность. Никогда еще не было искусство таким оторванным от жизни народной, от живой души человека. Что возводим? Сатанизм?! Во все времена народные сказки и песни, русская классика горой стояли за Землю Русскую, за чистоту отношений, за справедливость, за доброту. Всегда заступались за обиженных, за униженных, за ограбленных. Пушкин, пережив две ссылки, остался верен друзьям-декабристам, смело заявляя: “Я гимны прежние пою...”. Это его Послание в

Сибирь вызвало ответ Одоевского словами: “Из искры возгорится пламя...”. Ленин из этой жгучей строки выхватил название для своей газеты: “Искра”. Маркс утверждал, что если капиталист получает прибыль в 200 процентов, то нет на свете преступления, на которое он бы не пошел. Мысль страшная!

Но ведь Спаситель наш предупреждал: “Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в Царство Небесное”.

Было великой ошибкой навязывать народу безбожие и закрывать храмы. Пели: “Мы наш, мы новый мир построим...” С таким же усердием, с каким потом стали кричать о реформах. Ныне приветствуем возрождение веры, учимся молиться и каяться, видим духовных лиц в почетном ряду администраторов, бывших партийных деятелей. Это, с одной стороны, а с другой...

Что делать? Ленин в 1920 году призвал молодежь учиться, овладевая знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. И мы учились. Советская школа стала лучшей в мире. Величайшая из войн на Руси привела к тому, что тысячи имен комсомольских и даже пионерских засияли, как звезды, на небе истории нашей. Бесстрашные, преданные земле предков, не сломленные в часы пыток перед врагом, они заслуживают вечной памяти потомков. И как же жалко выглядят потуги сделать эти имена заземленными, обычными. Эстрадный пустослов хихикает над образом юного Павлика Морозова. Ливень анекдотов прошумел над памятью Чапаева, а он, Василий Иванович, Георгиевский кавалер, народный полководец, остается таким, каким он предстал нашему детству в “Чапаеве” — недосягаемо-прекрасном фильме XX века.

Век живи — век учишь!

Но чему научат фильмы, развращающие молодежь, приучающие к жестокости, распушенности и коварству? Чему научат сорванные мосты между прошлым и настоящим? “Товарищи!” — говорил, обращаясь к солдатам наш земляк генерал А. П. Ермолов. Было всенародным обращением слово полководца. Теперь нас приучают господами зваться. Ну какие же мы, простите, господа, если большинство из нас живет за чертой бедности?!

Из глубины детства вновь и вновь вспоминается бабушка Ефросинья. Строгая свекровь, продолжая дело ее родителей, воспитывала в духе православном. Проверяла, хорошо ли запомнила “Отче наш” и другие молитвы. Знает ли заповеди, праздники, соблюдает ли посты. И в то же время следила, крепко ли осели в памяти песни старинные, услышанные от нее. Бабушка в школе не училась, завидовала тому, кто умеет читать. Но как же много я услышал от нее поучительно! “Не пей, не кури, не дерись, не бери чужого, не ругайся”, — приговаривала часто, боясь, как бы чего дурного не перенял на улице. Вослед за наказаниями бабушки взяли верх над мной Евангелие, книга о муках первых христиан и Пушкин с “Полтавой”, сказками,

“Капитанской дочкой”, читаемой как учебник жизни. Незабываемы первые встречи с Тургеневым, Львом Толстым, Чеховым, Лесковым, Шолоховым, Исаковским, Твардовским, Есениным, Блоком. Русская классика — достойное продолжение Священного писания. Читая, жил во власти растущего, жгучего желания узнать побольше...

ткуда мы родом?

Как хочется, чтобы этот вопрос волновал юные умы и души. Как хочется, чтобы дети наши искали ответ на него и в своей родословной, и в истории российской, и обращая свой взор к Всевышнему. И чтобы в школе на уроках истории, литературы получали они не схематичные знания о событиях, о писателях, а знакомились с живым, волнующим сердце материалом. И здесь уже все зависит от учителя, от его таланта и душевного настроения. Ведь сколько замечательных книг может взять он себе в помощь, о скольких из них может рассказать ребятам!

Об истории орловского края, например, увлекательно писал Сергей Беляков — талантливый журналист, павший смертью храбрых за Родину, в книге “Орел” (Орел, 1939). Он так рассказывал о появлении наших предков на берегах Оки и ее притока Орлика:

“Через густые заросли и бурелом дремучего леса пробирался человек. Иногда он останавливался, прислушивался к чему-то, поправлял сползающую с плеч изодранную одежду и снова шел вперед, прокладывая себе путь в дикой чащобе. Вот он выбрался наконец на едва приметную лосевую тропу, остановился и, запрокинув голову назад, громко крикнул:

— Хо...о...о...о...

Птица пугливо шаркнулась над его головой, а белка, игравшая на нижней ветке сосны, уронила к его ногам розовую шишку и в страхе ускакала на самую маковку дерева. Человек слушал, как голос его, раздробленный эхом на десятки звуков, гремел в чаще. А когда крик замер где-то в неведомой дали, он услышал другой ответный, так похожий на его собственный.

По лосевой тропе идти было легче, и вскоре она привела его на зеленый берег широкой спокойной реки. Человек поднял руки к солнцу и припал на колени у самого края воды. Потом нагнулся и стал жадно пить. Над ним высоко под солнцем парили орлы, и он слышал: голос у реки был ласковым, как у матери”. Это был Вятко. Спасая свой род от варваров, хлынувших из Азии, он покинул берега Вислы и поселился на верхней Оке. Новые места очень понравились.

“Край был несказанно богат, — продолжал Беляков. — В могучих лесах, что шли во все стороны от берегов Оки, водилось много зверя и птицы, реки и озера были полны рыбой. На лесных лужайках паслись стада лосей, коз и кабанов: медведи и волки бродили в лесных чащах. Над озерами летними утренними зорями не смолкал лебединый крик и гусиный гогот”.

Гавриил Михайлович Пясецкий в “Трудах Орловской архивной комиссии”, говоря о вятичах, привел слова летописца: “Были два брата в ляхах — Радим, а другой Вятко; и пришедши сели: Радим на Соже, и прозвались радимичи; Вятко же сел с родом своим на Оке, и прозвались от него вятичи, и до сего дня”.

В каждой российской области есть замечатель-

ные краеведческие книги, книги по истории края. Великое дело сделаем мы все — учителя, писатели, краеведы, родители, если пристрастим к чтению их “племя младое”.

Корни русского народа, по мнению М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского и других, ходят в тысячелетние дали. В книге “Тайны русского народа” (М., 1997) В.Н. Демина, доктора философских наук, отстаивается концепция Полярной прародины человечества.

“Есть все основания утверждать, — пишет Демина, — что в самых глубинных истоках, на заре становления людского рода все без исключения языки имели общую основу — а следовательно, и сами народы имели общую культуру и верования... Хочется выделить несколько первичных элементов, которые повторяются во всех без исключения языках мира — живых и мертвых, донося до наших дней дыхание Праязыка. Какая-то случайность полностью исключена. О былом единстве языков однозначно говорится уже в Библии, аккумулировавшей в себе древнее знание Востока, Запада, Севера и Юга: “На земле был один язык и одно наречие” (Бытие II, 1). В дословном переводе это звучит еще более точно: “И были на всей земле язык один и слова одни и те же”.

Весь мир — большая родня, тем более — русский мир.

“Надо понять и уверовать в то, — учит историк Юрий Миролюбов, — что Русь — это мы, а древняя Русь — тоже мы, и если Бог поможет, то и будущая Русь — тоже будем мы”.

Тургенев назвал русский язык великим и могучим. Лесков с гордостью писал, что Орел “вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город”. Иван Новиков восторженно восклицал:

*Распахну на морозе пальтишко,
Вкруг луны, словно нимб, ореол.
Кто сказал, что Орел — городишко?
Средоточие мира — Орел!*

Богатство языка — одно из важнейших доказательств, что родились мы не вчера.

“Можно Россию, — читаем в предисловии к “Летописи Нестеровой по Кенигсбергскому списку, до 1206 года” (СПб., 1767), — назвать колыбелью народов, сильную Римскую империю опровергнувших и на развалинах ее основавших новые царства... С самых древнейших времен обитали в соседственных к России местах славяне, народ многочисленный, от которого неоднократно трепетали византийские императоры и которому за 1000 лет подвластная была целая половина Европы”.

Давно примечаю: разговор о древних корнях народа поднимает дух у людей, обиженных всем ходом наших так называемых реформ. В сорок пер-

вом, когда над страной нависла смертельная опасность, с самой высокой трибуны прозвучали имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова, славные имена-знамена, окрыляющие душу.

Что делать? Ответ в опыте поколений, в творчестве классиков литературы и искусства, в наставлениях святых отцов.

“Могут ли быть листья древесные без дерева, а дерево может ли быть без земли, воздуха, воды и теплоты? — читаю взятое наугад из дневника Иоанна Кронштадтского “Моя жизнь во Христе”. — Так ни одна душа не существует без Бога, без Сына Его, без Духа Его. Бог — мое бытие, мое дыхание, мой свет, моя сила, моя вода, мое питание. Он носит меня, как

мать носит на руках младенца; больше: нося меня, душу и тело мое. Он во мне пребывает и срастворяется, так сказать, со мною”.

Откроем любой из семи томов сочинений Преосвященного Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского, великого патриота Земли Русской, и там находим немало полезного для развития души своей, для укрепления веры, любви к Отечеству.

Смысл жизни — в восхождении к Богу, к познанию единственно верного пути — нравственному совершенству. Именно так понимал свою цель великий

Пушкин. В стихотворении “Кавказ”, написанном, кстати, после встречи с генералом А. П. Ермоловым в Орле, поэт сказал как будто о своем месте в истории русской литературы:

Кавказ подо мною. Один в вышине...

И почти рядом — стихотворение “Монастырь на Казбеке” с мечтой заветной:

*Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожделенный берег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться в вольной вышине!
Туда бы, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..*

“В соседство Бога...” Да разве есть что важнее и прекраснее на земле и во всем мире безбрежном! В этом же ключе размышлял поэт, когда писал “Памятник”:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

И далее самое главное, чем должен руководствоваться любой человек, не только поэт:

Веленью Божию, о Муза, будь послушна...

“Совесть — голос Бога”, — это из мудрости народной.

А она вечна, как и сам народ.

